

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О.И. Румянцева*

Рассмотрены закономерности функционирования денежной сферы как сложной нелинейной социально-экономической системы на основе самоорганизационной (синергетической) парадигмы. Проанализирована институциональная самоорганизация участников денежной системы Республики Беларусь, показана необходимость учета этих процессов в ходе разработки и реализации национальной денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: институциональная самоорганизация, денежная система, денежно-кредитная политика, общественная эффективность банков, Республика Беларусь.

JEL-классификация: B52, E42, E52, P43.

Разработка денежно-кредитной политики предполагает обязательный учет ведущих трендов и факторов, их определяющих, которые в современных условиях вызвали *качественную* трансформацию денежно-кредитных отношений. Важнейшим среди них является усиление процессов самоорганизации общества, протекающих в социально-экономических системах.

Можно выделить следующие типы самоорганизации:

- институциональную, которая представляет своего рода технологическую основу, «скелет» системы, и ведет к образованию и трансформации ее институциональной структуры, разрушению старых и образованию новых институтов, изменению их функций;

- поведенческую, которая генерируется поведением социума и вызывает «фоновые» (рефлексивные) процессы различной направленности (в денежной сфере это, например, может проявляться или в укреплении доверия к национальной валюте, или в усилении девальвационных и инфляционных ожиданий).

Применительно к денежной сфере отмеченная выше «технологическая» основа будет определяться, на наш взгляд, такими *факторами* (или «управляющими параметрами»), как:

- наличие крупных национальных кредитно-банковских институтов (так называемых маркет-мейкеров внутреннего денежно-кредитного рынка), мера их самостоятельности или кооперативности в принятии решений, способ сегментации рынка (зависящий от его институциональных параметров). Иными словами, наличие эффективной структуры как финансовых посредников, так и участников системы в целом, основанной на разделении целей, задач и функций между ее элементами: банками, предприятиями реального сектора, населением;

- адекватность политики, проводимой ведущими финансовыми институтами¹, которая, при прочих равных условиях, *определяет доверие экономических агентов к такому важнейшему институту любого общества, как деньги*. Например: это осуществ-

¹ Включая центральный банк.

* Румянцева Оксана Игоревна (oksana_rum@tut.by), кандидат экономических наук, зав. кафедрой денежного обращения, кредита и фондового рынка Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

ление монетарного регулирования с учетом потребностей национального производства как основы устойчивости денег; проведение умеренно транспарентной денежно-кредитной политики с целью минимизации негативных ожиданий, предупреждения нежелательных поведенческих реакций кредиторов и вкладчиков; осуществление контроля над притоком иностранного капитала как внешнего фактора возможной дестабилизации системы;

- кооперативность ведущих государственных институтов – является ли (и насколько) их поведение, *включая центральный банк*, кооперативным (согласованным). Например, использование единого организационно-информационного механизма выработки стратегических решений и координации деятельности звеньев денежной системы.

Таким образом, можно утверждать, что институциональная самоорганизация денежной системы определяет как количественные, так и качественные параметры ее институтов, т. е., по сути, *формирует определенные границы для регулирующих возможностей центрального банка* (определяет действующий инфляционный фон, уровень девальвационных ожиданий и пр.). Поэтому денежно-кредитная политика, помимо собственно монетарных мероприятий², должна в обязательном порядке учитывать необходимость поиска институционального баланса, определения направлений адекватной *институциональной трансформации денежной сферы*.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом происходит процесс формирования и трансформации институциональной структуры общества, т. е. институциональной самоорганизации экономики.

Институциональная структура и теория институциональных матриц

Интересной, по нашему мнению, является теория матричного (фрактального) принципа самоорганизации социально-экономической системы, или теория институ-

² Корректировка процентной политики, изменение вида или регламента проведения тех или иных операций по регулированию ликвидности банковской системы и пр.

циональных матриц (Кирдина, 2004, 2005, 2007, 2010). В соответствии с ней, социально-экономическая система представляется как взаимодействие двух основных институциональных матриц как исторически сложившихся устойчивых институтов общества³, любая трансформация которых возможна только при условии изменения всей «матричной» институциональной системы. Отмеченные выше матрицы состоят из идентичных по своей сути институтов, у которых, тем не менее, способы реализации выполняемых функций принципиально различны⁴. Одна из матриц представляет собой систему *институтов централизованной экономики*, вторая, соответственно, образована *институтами рыночной экономики*. Причем, что крайне важно, в любом обществе одна из матриц в обязательном порядке будет являться базовой, а вторая – лишь комплементарной.

В результате развитие экономики можно представить как процесс взаимодействия этих матриц, где влияние базовой матрицы на социально-экономическую систему является решающим. В свою очередь, комплементарные институты (каждый из которых выполняет аналогичные функции в альтернативной институциональной системе), сталкиваясь в ходе взаимодействия с соответствующим базовым институтом, в той или иной мере корректируют характер его функционирования. Однако, что важно, институциональное «качество» системы при этом не меняется. Иными словами, появление новых институтов и исчезновение старых, трансформация их функций, адаптация и модернизация форм взаимодействий формальных и неформальных институтов являются непрерывным процессом институциональных изменений (иначе, институциональной самоорганизации системы).

³ Вообще, понятие институциональной матрицы исходит из работ К. Полаanyi и Д. Норта, где впервые была высказана гипотеза, что «система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», определяющую вектор возможных траекторий дальнейшего развития» (Норт, 1997. С. 147–148; Polanyi, 1977; Кирдина, 2005. С.10; <http://www.kirdina.ru/doc/news/14feb06/1.pdf>).

⁴ Различие между ними объясняется спецификой приспособления того или иного общества к изменяющейся среде.

Денежная сфера как одна из экономических подсистем общества также представляет собой результат исторически сложившегося (и уже по этой причине жестко детерминированного) взаимодействия базовых и комплементарных институтов. Здесь длительность эволюции общества по тому или иному пути (административной или рыночной направленности, приоритета общественного над индивидуальным или наоборот) будет в итоге определять основные, преобладающие формы денежных отношений, воплощенные в конкретных институтах денежной системы. Поэтому *исторически сложившиеся, базовые денежные институты будут в обязательном порядке иметь доминирующий характер*, в то время как альтернативные им комплементарные денежные институты (и соответствующие им институциональные формы) смогут играть лишь вспомогательную роль, дополняя структуру экономических отношений. Таким образом, *институциональная самоорганизация денежной системы – это такой же постоянный поиск институционального баланса*, т. е. соотношения базовых и комплементарных институтов, адекватного постоянно изменяющейся среде⁵.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько устойчива сложившаяся институциональная структура денежной системы и какова вероятность трансформации базовых институтов финансового посредничества при прохождении ею точек бифуркации (т. е. в состояниях, неопределенно далеких от равновесия). Для ответа на эти вопросы, т. е., по сути, для определения границ «эволюционного коридора» для той или иной денежной системы, воспользуемся известным принципом Кюри (Верников, Кирдина, 2010).

Принцип Кюри и границы «эволюционного коридора»

Как известно, эволюция представляет собой последовательность переходов в иерархии структур возрастающей сложности (Николис, Пригожин, 1979). Условием эволюции являются отклонения системы от равновесного состояния, произошедшие как

под влиянием изменившихся внешних условий, так и под действием внутренних причин (накопления случайных отклонений в развитии). В качестве реакции на эти отклонения в системе формируются новые адаптивные структуры, т. е. происходит собственно процесс эволюции.

Ограничения на степень возрастания (или снижения) сложности новых структур в процессе эволюции той или иной системы накладывает принцип симметрии и дисимметрии Кюри, использованный российскими учеными для анализа социально-экономических систем (Кравченко, 1998). Он дает возможность оценить границы «эволюционного коридора», т. е. допустимую степень сложности новых институциональных структур, возникающих при отклонении развития социально-экономической системы от равновесных траекторий. При этом подчеркнем, что уже само признание такого коридора крайне важно, так как говорит о том, что увеличение количественного разнообразия институциональных форм, трансформация институциональной структуры любой системы могут происходить лишь в определенном диапазоне, предполагающем сохранение ее качественных характеристик (Кирдина, 2010).

Следует отметить, что идеи о наличии определенного «коридора развития экономики» (без учета типа доминирующих экономических институтов) уже высказывались ранее сторонниками теории эволюционной экономики (Попов, 2012). Так, была выдвинута концепция «неошумпетерианского коридора», в соответствии с которой у каждой конкретной экономической системы существует определенное пространство для развития. В этом пространстве есть верхняя граница как максимально возможное число (качество) новых институтов, содействующее (не препятствующее) экономическому развитию. Соответственно, существует и нижняя граница, т. е. максимально возможное число (качество) старых институциональных форм, не препятствующее появлению новых институтов. Внутри «коридора» параметры институциональной структуры могут свободно варьироваться.

Точка ниже его границ означает, что экономика не может сгенерировать динами-

⁵ Понятно, что этот баланс по причине изменчивости среды может представлять собой лишь динамическое равновесие.

ку, необходимую для поддержания приемлемого уровня жизни социума. Напротив, точка выше границ «коридора» будет означать, что количество (качество) новых институтов превышает возможности «отстающих» секторов (старых институциональных форм). Таким образом, логика развития в русле «неошумпетерианского коридора» также предусматривает ограничение количества и качества новых институциональных структур объективными возможностями экономической системы в целом.

Стабилизирующие свойства базовой институциональной матрицы в отношении характера и направленности возможных изменений отмечает в своих работах и Д. Норт (1997). Он выделяет «эффект блокировки», который является неотъемлемым свойством базовой институциональной структуры, обеспечивающим ее способность к сохранению и самовоспроизведению. Это позволяет системе поддерживать динамическую стабильность, т. е. двигаться вдоль относительно устойчивых траекторий экономического развития. Данный «эффект блокировки», как видим, в определенной степени совпадает с выводами, вытекающими из принципа Кюри.

Таким образом, согласно принципу Кюри, устойчивое развитие экономической системы любого типа в долгосрочном периоде предполагает нахождение экономики внутри «эволюционного коридора», т. е. сохранение необходимого соотношения (адекватного баланса) базовых и комплементарных институтов, соответствующего типу доминирующей институциональной матрицы. В то же время качественное изменение типа экономики, т. е. полномасштабный переход от экономической системы с доминированием административных институтов к системе с доминированием рыночных институтов (равно как и обратный переход) маловероятен, если не невозможен в принципе (Кирдина, 2010).

Представляется, что в контексте развития денежной сферы транзитивной экономики это может означать следующее:

- количество и качество новых денежных институтов (в частности, институтов рыночной экономики) объективно будут балансироваться количеством и качеством

старых институциональных форм в экономике в целом (и прежде всего в реальном секторе);

- помимо этого, количество и качество новых денежных институтов объективно будут балансироваться количеством и качеством старых институциональных форм в собственно денежной сфере;

- полномасштабная трансформация денежной системы транзитивной экономики является крайне длительным процессом (если возможна в принципе), так как требует не просто создания новых денежных институтов, а *полномасштабного перехода от экономической системы с доминированием административных институтов к системе с доминированием рыночных институтов.*

Институциональная структура постсоветских стран: проблемы транзитивной экономики

Денежная сфера стран бывшего СССР является ярким примером подобной сложной самоорганизующейся системы с доминированием административных денежных институтов (одноуровневая банковская система, кредитный и кассовый планы и пр.). В ходе перестройки в соответствии с требованиями Вашингтонского консенсуса в этих странах была сделана попытка одномоментного перехода к альтернативной институциональной матрице с доминированием рыночных институтов. В этой связи крайне актуальным является вопрос о том, есть ли возможность и какие пути «перереформирования» этого типа самоорганизации в альтернативный.

Представляется, что в контексте рассмотренных выше теоретико-методологических подходов главным является вывод о том, что «передовые» сектора экономики должны в обязательном порядке отгалькиваться от возможностей «отстающих» секторов. Причем данный вывод применим прежде всего к финансовому посредничеству. Поясним подробнее.

Так, страны бывшего СССР, переходя к рынку и выбирая модель «банковской экономики», делали ставку на то, что именно банки (как достаточно гибкий и динамичный элемент), работая на принципах коммерческого расчета, станут тем самым

«локомотивом», который вытянет всю систему, стимулируя реальный сектор к переходу на «рыночные рельсы». В нашей стране в качестве отмеченного выше «локомотива» также была выбрана банковская система, являющаяся сегодня тем самым «передовым» денежным институтом, важнейшим элементом рыночной инфраструктуры.

Отметим, что этот путь рыночной трансформации кардинально отличается от модели «фондовой экономики», предполагающей формирование фондового рынка и, прежде всего, рынка корпоративных ценных бумаг как основного канала финансового посредничества. Модель «фондовой экономики» предполагает достаточно длительный процесс перестройки реального сектора (в силу его инертности) и последующую затем адаптацию сегмента финансового посредничества. Банки здесь играют лишь вспомогательную роль источника инвестиций и перестраиваются вслед за реальным сектором.

Опыт построения рыночной экономики показал, что в отличие от банковских институтов рыночная трансформация производственных предприятий требует гораздо более длительного временного периода. Поведение последних определяет множество факторов как экономического, так и социально-политического плана. В силу этого, продолжая работать на принципах базовой административной матрицы, предприятия реального сектора тем самым не отвечают требованиям банковского сектора, в основе деятельности которого уже лежат принципы «комплементарной» рыночной матрицы. Результатом этого противоречия является «отрыв» финансового сектора от реального: недофинансирование последнего при одновременной переориентации денежных потоков на спекулятивные сегменты рынка.

Как мы знаем, важнейшими условиями эффективной кредитной деятельности банковской системы являются, во-первых, существование высокоорганизованных и стабильно функционирующих финансовых рынков и, во-вторых, поддержание относительного равенства доходности в различных секторах денежного рынка страны (и, что особенно важно, соотношение сферы

кредитования реального сектора и сегмента спекулятивных операций). Далекое не всегда транзитивная экономика отвечает этим условиям. Кроме того, из рассмотренного выше матричного подхода можно сделать вывод, что банки способны удовлетворить спрос экономических агентов на кредитные ресурсы *только в тех масштабах и в той структуре*, условия для которых создаются прежде всего в реальном секторе экономики. Иными словами, границы кредитования в странах с транзитивной экономикой определяются достаточно жесткими ограничениями, к которым можно отнести следующие.

1. Банки второго уровня не могут ни концентрировать, ни, разумеется, выдавать кредиты (эмитировать кредитно-депозитные деньги) в количестве большем, чем позволяет текущее состояние экономики (что отражается степенью ее монетизации: денежная масса/ВВП).

2. В силу специфики переходной экономики, а именно поведенческой самоорганизации ее субъектов, не все свободные денежные средства попадают в банки (например, часть своих денег экономические агенты держат в виде наличности в национальной или иностранной валюте).

3. Пресловутая «длина» привлекаемых банками денег далеко не всегда зависит от самих банков: этот параметр, прежде всего, задают инфляционные и девальвационные ожидания экономических агентов, уровень их доходов и т. д. В определенной степени банк может трансформировать «короткие» ресурсы в «длинные», но это не безгранично, так как для любого банка принципиально важно соблюдение нормативов ликвидности.

4. Центральный банк, обладая монополией на эмиссию, в состоянии увеличить денежную базу, однако основной принцип денежно-кредитного регулирования – поддержание такого объема платежных средств в экономике, который бы исключал как избыток, так и дефицит денег с точки зрения удовлетворения реального спроса. Это означает, что находящаяся в обращении денежная масса должна обеспечиваться конкурентоспособными товарами и услугами, востребованными национальными финансовыми активами как средством сбережения.

Таким образом, в сущности вышеотмеченных границ кредитования проявляется *фундаментальная зависимость деятельности банковского сектора от состояния и эволюции реального сектора*. Поэтому в условиях переходной экономики в силу ее высокой степени нестабильности банки второго уровня – это лишь источник преимущественно краткосрочного кредитования⁶. В этих условиях развитие кредитных отношений требует сочетания преимущественно рыночных подходов к краткосрочному кредитованию и неизбежного административного воздействия на банки в направлении роста целевых инвестиционных вложений в реальный сектор.

Иными словами, в транзитивном хозяйстве объективно возрастает роль денежно-кредитной политики, направленной на поиск институционального баланса: такого соотношения базовых и комплементарных институтов банковской системы страны, которое бы соответствовало ведущей матрице реального сектора экономики. Для такой экономики не должен стоять вопрос об «искоренении» административных и переходе к экономическим методам денежно-кредитной политики. Здесь важно найти оптимальное их соотношение, построить систему монетарных методов, которая бы соответствовала сложившейся институциональной структуре реального сектора. Это позволит восстановить необходимую «глубину» финансового посредничества, в том числе путем использования административных мер, направленных на обеспечение доступности кредитов для реального сектора даже в условиях его низкой конкурентоспособности (и, соответственно, недостаточной рентабельности). В ином случае усилия монетарного регулятора по восстановлению необходимого объема финансового посредничества не дадут желаемого эффекта, так как интересы банков в контексте целей собственной эффективности для них более значимы, чем цели общественной эффективности⁷.

⁶ Бесспорно, что это тоже важно, так как краткосрочный кредит, содействуя перетоку капиталов из одной стадии в другую, ускоряет кругооборот и тем самым положительно сказывается на процессе производства и реализации продукции. Однако основной проблемой транзитивной экономики

Институциональная структура банковской системы и выбор модели финансирования

Институциональная структура банковской системы транзитивной экономики представляет интерес с позиции поиска путей повышения эффективности финансового посредничества, увеличения объемов дополнительных финансовых ресурсов, направляемых в реальный сектор национальной экономики⁸. При выборе модели финансирования мы будем отталкиваться от того, что для институтов финансового посредничества как элементов институциональной системы общества в целом характерен рассмотренный выше матричный принцип взаимодействия.

Особо подчеркнем, что «подстраивание» институционального баланса банковской системы под базовую (административную) матрицу реального сектора вовсе не означает, что последний в условиях транзитивной экономики не требует корректировки в пользу усиления своей комплементарной (рыночной) составляющей. Однако *монетарные методы воздействия не смогут достичь желаемой цели, так как в силу консервативности базовой матрицы и ведущей роли реального сектора она будет лишь усиливать таковую в структуре банковской системы страны*.

Это неизбежно явится препятствием активизации рыночной матрицы реального сектора транзитивной экономики монетарными методами: его базовая административная матрица обуславливает значимость в инфляционных процессах немонетарных факторов, в числе которых низкий уровень конкурентоспособности предприятий реального сектора, негативная динамика развития внешнеэкономического сектора и, соответственно, платежного баланса, рост тарифов естественных монополий и пр.

является проблема инвестиций, связанная со сложностью расширения границ долгосрочного кредитования.

⁷ Напомним, что собственная эффективность подразумевает получение банком прибыли как коммерческой организацией, а общественная эффективность предполагает полноценную реализацию банком своих основных функций финансового посредничества: привлечение временно свободных денежных средств, их размещение на возвратной и возмездной основе (выдача кредитов) и проведение расчетов.

⁸ Увеличения «глубины» финансового посредничества.

Для преодоления отмеченных выше проблем важна комплексность мер экономического регулирования. Более того, без системных мер в направлении роста конкурентоспособности национального производства монетарные инструменты, направленные, например, на поддержание положительного в реальном выражении уровня процентных ставок, вызовут лишь неизбежный их рост и дальнейшее ухудшение состояния реального сектора. В результате вместо ожидаемого снижения инфляции это лишь усилит недоступность кредита для субъектов хозяйствования, еще более ухудшая их положение и активизируя немонетарные факторы инфляции. Поэтому только структурные реформы, активная промышленная политика и пр., т. е. совместные усилия государственных органов в рамках единой макроэкономической политики, могут усилить рыночную компоненту в институциональной структуре реального сектора переходной экономики. Монетарная же политика должна прежде всего создавать благоприятные денежно-кредитные условия для проведения отмеченных выше реформ за счет создания эффективной модели⁹ их финансирования.

Как известно, к таким моделям относят (Кирдина, 2013):

- децентрализованную модель, в рамках которой дополнительные средства, необходимые для финансирования производства, эмитируются в экономику через преимущественное привлечение заемных средств на рынке. В качестве основных финансовых посредников здесь могут выступать как банки (банковская модель финансового посредничества), так и институты фондового рынка (фондовая модель финансового посредничества);

- централизованную (или административную) модель, в рамках которой каналом дополнительных средств, необходимых для финансирования производства, являются преимущественно нерыночные источники: централизованные средства государственных

ного бюджета или иные меры государственной поддержки.

Доминирующие признаки институциональной модели финансирования определяет базовая матрица банковской системы страны.

Принципиальные различия этих моделей состоят:

- во-первых, в том, как обеспечиваются гарантии для инвесторов (кредиторов и вкладчиков), касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Иными словами, каков способ снижения степени неопределенности будущего;

- во-вторых, в разной роли государства в инвестиционном процессе.

Иными словами, в рамках централизованной модели монетарной политики финансирование реального сектора регулируется преимущественно административными методами, а в рамках децентрализованной – осуществляется преимущественно на рыночных принципах.

Говоря о роли государства в инвестиционном процессе, хочется отметить, что в условиях децентрализованной модели у предприятий, как правило, преобладают внутренние источники поступления финансовых средств (более 60%). Среди них основную роль играют амортизационные отчисления. Соответственно, привлеченные средства здесь выполняют, как правило, менее значительную роль по сравнению с административной моделью, в которой внешние источники устойчиво превышают 55–60%¹⁰. Амортизация же в модели с административной экономикой в структуре внутренних источников финансирования часто не превышает и 20%, зато высокую долю составляют внешние централизованные источники, что, соответственно, отражается и в более высокой доле накопления капитала в ВВП. Эти основные институциональные модели финансирования экономического роста, характерные для стран с преимущественно рыночной или преимущественно

⁹ Институциональная модель в данном случае задает правила, согласно которым эмитируются дополнительные денежные средства, необходимые для финансирования экономического роста. Эти правила определяются тем или иным набором институтов.

¹⁰ Отметим, что уровень текущего самофинансирования субъектов хозяйствования Республики Беларусь, как правило, не превышает 40% (см. аналитическое обозрение «Финансы предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь» (по данным мониторинга предприятий) за 2007–2013 гг. (http://www.nbrb.by/publications/EnterpriseFinance/fin2008_4.pdf)).

централизованной экономикой, иначе называют «государство как регулятор» в первом случае и «государство как инвестор» — во втором (Кирдина, 2013).

У каждой модели есть как положительные, так и отрицательные стороны. В первом случае это высокий уровень инвестиционной активности, равно как и высокая вероятность формирования «финансовых пузырей»; во втором это, например, возможность централизованного перенаправления кредитных потоков в приоритетные сферы, но и недостаточная мотивация инвесторов. Здесь напомним, что условием сбалансированного развития является адекватное сочетание отмеченных выше моделей, так как доминирование одной модели не отменяет наличия комплементарных институциональных структур: модель «государство как регулятор» не отменяет роли государства как инвестора, и наоборот.

В силу важности проблемы еще раз подчеркнем, что *базовая институциональная модель определяет границы допустимого использования комплементарных институтов, необоснованное нарушение которых нарушает институциональную адекватность денежной системы, снижает эффективность институциональной самоорганизации денежной системы.* В результате возникает противоречие в области поддержания гармонии собственной и общественной эффективности банков как ведущих институтов денежного рынка.

При адекватном же институциональном балансе эти оба критерия эффективности банковской системы, как две стороны одной «медали», находятся в относительной гармонии, а не в противоречии. Так, структура предложения кредитов при минимальных рисках должна соответствовать платежеспособному (реальному) спросу, что является финансовой основой экономического роста и, соответственно, долговременным и стабильным источником прибыли банковского сектора. Логично предположить, что при нарушении границ комплементарной и базовой матриц возникнет соответствующий «перекосяк» баланса собственной и общественной эффективности банковской системы страны, т. е. начнется

формироваться так называемая «институциональная ловушка».

Специфика институциональной структуры Республики Беларусь и ее влияние на денежно-кредитную политику

Приоритет целей собственной эффективности над целями общественной эффективности, свидетельствующий о наличии институционального дисбаланса, покажем на примере нашей страны.

Так, в последние годы достаточно быстро росла прибыль банков — своеобразная «нагрузка» банковского сектора, распределяемая на национальных производителей и экономику в целом (и даже кризисная ситуация 2011 г. не смогла существенно переломить данную тенденцию). Сравним, например, динамику услуг финансового посредничества и прибыли банков в процентах к ВВП (рис. 1). Как видим, начиная с 2005 г. постоянно увеличивался разрыв между долей прибыли банков в ВВП и долей услуг банков в ВВП как финансовых посредников (с 0,4 п.п. в 2003 г. до 1,2 п.п. в 2013 г., не считая небольшого периода возвращения к предыдущей динамике в 2008–2009 гг.) Особенно быстрыми темпами данный разрыв увеличивался в предкризисные годы (конец 2009 — начало 2011 г.).

Если же оценивать соотношение отмеченных выше показателей с позиции темпов их роста, то видно, что только три года из десяти (2007, 2008 и 2009 гг.) характеризуются превышением темпов роста финансового посредничества над темпами роста прибыли отечественных банков (рис. 2).

Отмеченная тенденция опережающего роста прибыли банков по сравнению с увеличением объема услуг финансового посредничества, оказанных отечественной экономике банковским сектором, также отчетливо видна на рис. 3. Это отражает перекос институциональной структуры белорусской банковской системы в сторону комплементарной (рыночной) матрицы, что, при сохранении в реальном секторе ведущей базовой (административной) матрицы, ведет к неизбежному накоплению

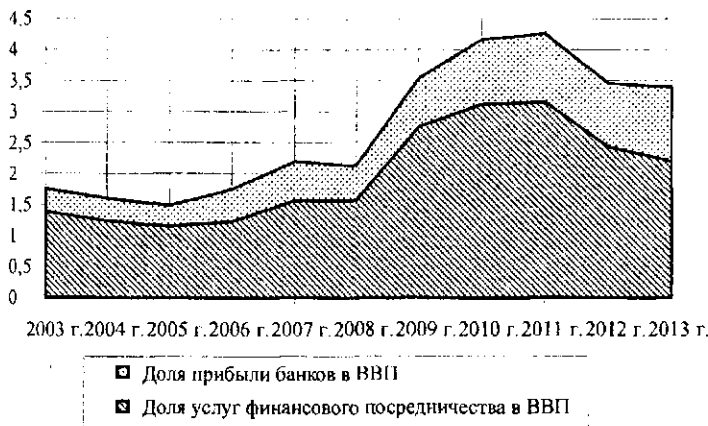

Рис. 1. Динамика издержек финансового посредничества в экономике Республики Беларусь, 2003–2013 гг., %.

Источник. Авторская разработка на основе данных Бюллетеня банковской статистики за 2004–2013 гг.

дисбалансов в отечественной экономике. Институциональное несоответствие в итоге проявляется в динамике прибыли как результата деятельности банковского и реального секторов национальной экономики (табл. 1).

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод о наличии негативной тенденции, характеризующейся превышением темпов роста прибыли банков над аналогичным показателем организаций. Например, в 2012 г. разрыв в пользу банковского сектора составил более 80 п.п. В свою

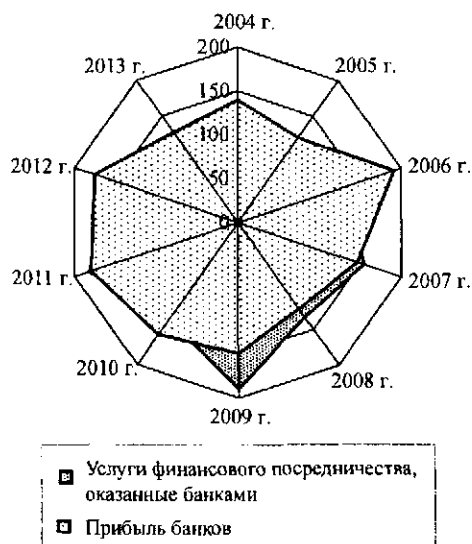

Рис. 2. Динамика соотношения темпов роста финансового посредничества и прибыли банков Республики Беларусь, 2004–2013 гг., %.

Источник. Авторская разработка на основе данных Бюллетеня банковской статистики за 2004–2013 гг.

очередь, 2009 и 2013 гг. характеризуются противоположными изменениями, причем в 2009 г. разрыв составил свыше 58 п.п., в 2013 г. – свыше 40 п.п. В результате можно наблюдать устойчивую тенденцию, характеризующуюся превышением темпов роста прибыли банков над темпами роста прибыли субъектов хозяйствования.

Исключением явился лишь кризисный 2011 г., когда резкий рост инфляции способствовал преимущественному росту прибылей предприятий по сравнению с банками (так как процентные ставки по кредитам менее гибкие, нежели товарные

цены).

В результате можно сделать вывод о том, что институциональный дисбаланс, явно прослеживаемый сегодня в отечественной экономике, требует соответствующих институциональных реформ в направлении поиска оптимального соотношения собственной и общественной эффективности банковской системы. Нахождение последнего позволило бы обеспечить компромисс относительно сохранения преимущественно административных принципов функционирования реального сектора белорусской экономики и задействования главным образом рыночных принципов работы банковского ее сегмента.

Рис. 3. Динамика услуг финансового посредничества и прибыли банков Республики Беларусь, 2003–2013 гг., млрд руб.

Источник. Авторская разработка на основе данных Бюллетеня банковской статистики за 2004–2013 гг.

Финансовые показатели деятельности организаций и банков Республики Беларусь, 2007–2013 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Прибыль (убыток) от реализации продукции, товаров, работ, услуг организаций	106,6	126,2	92,0	127,1	265,9	132,8	83,5
Прибыль (убыток) банков	146,4	121,8	149,4	158,1	180,8	215,4	125,1

Источник. Авторская разработка на основе данных Бюллетеня банковской статистики за 2004–2013 гг. Основных тенденций в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь (аналитическое обозрение) за 2010–2013 гг. (<http://www.nbrb.by/publications/Trends>), Аналитического обозрения «Финансы предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь» (по данным мониторинга предприятий) за 2007–2009 гг. (http://www.nbrb.by/publications/enterpriseFinance/fin2008_4.pdf).

Здесь важен поиск компромисса в отношении институциональной структуры реального и банковского секторов национальной экономики, а не выбор направленности денежно-кредитной политики (рестрикция или экспансия). Важны институциональные реформы, направленные, с одной стороны, на рост общественной эффективности отечественных банков и, с другой стороны, на стимулирование собственной эффективности предприятий реального сектора. Только таким путем возможно восстановление и поддержание вышеотмеченного баланса административных и рыночных институтов денежного и реального секторов национальной экономики. *Простым же маневрированием между «жесткой» и «мягкой» денежно-кредитной политикой проблем институционального плана решить нельзя.*

Это и понятно. Например, если в стране слишком большой объем накопившихся долгов, то резкое поднятие процентных ставок в ходе реализации рестрикционной политики чревато коллапсом экономики: количество банкротств предприятий реального сектора может превысить критический порог. Поэтому, несмотря на угрозу инфляции, монетарный регулятор будет вынужден нивелировать возможные риски неплатежей дополнительной эмиссией денежной массы. Кроме того, неизбежный в этом случае рост выплат по кредитам может перевести вопрос совокупного долга из экономической плоскости в разряд социально-политических проблем. Еще одним негативным моментом повышения процентных ставок является риск падения цены на альтернативные финансовые активы (и прежде всего ценные бумаги), что мо-

жет иметь нежелательные последствия для фондового рынка страны. Да и стимулирование сбережений экономических агентов за счет активизации их «спекулятивных» настроений имеет свой предел в виде рентабельности реального сектора, предъявляющего спрос на кредиты.

В случае же «мягкой» денежной политики «накачка» денежной сферы эмиссионными деньгами (даже при наличии краткосрочного стимулирующего эффекта для реального сектора) приведет к дальнейшему росту различных виртуальных финансовых продуктов и формированию новых долговых «пузырей». Понятно, что это несет в себе долгосрочные инфляционные и девальвационные риски, оценить которые достаточно сложно.

Поэтому с позиции денежно-кредитной политики признание доминирования административной матрицы в структуре реального сектора (и, соответственно, длительности периода рыночной его трансформации) ведет к пониманию неизбежности и обоснованности использования монетарным регулятором мер административного регулирования. Последние в этих условиях должны быть направлены **на усиление общественной эффективности банковской деятельности**, а именно на переориентацию кредитных потоков на развитие предприятий реального сектора как основы долгосрочной стабильности экономики. Отказ от использования административных мер воздействия возможен только по мере активизации рыночных (комплементарных) структур реального сектора и соответствующей трансформации банковских институтов националь-

ной экономики в направлении преодоления «институционального конфликта».

В качестве ориентира направленности реформ банковских систем в переходных странах можно опираться на имеющийся мировой опыт. В частности, Франция, Италия, Япония использовали административные модели регулирования, причем последние успешно просуществовали в этих странах с послевоенного периода и вплоть до конца 80-х годов XX в. Их важнейшими элементами были: 1) предоставление центральным банком необходимого экономике фондирования; 2) жестко регулируемый банковский сектор; 3) высокосегментированные финансовые рынки (Сапир, 2013).

Так, Банк Франции через доступные ему механизмы целевым образом предоставлял ликвидные средства, необходимые для развития страны. При этом коммерческие банки жестко регулировались и были по большей части государственными (хотя при этом сохраняли известную самостоятельность на уровне менеджмента). Их обязывали скупать государственные облигации в размере не менее фиксированного норматива. Кроме того, центральный банк тщательно отслеживал объемы и качественные характеристики выдаваемых банками кредитов (Там же. С. 43). Результатом таких институциональных реформ, ставящих во главу угла воспроизводственную функцию кредита, явилось то, что кредиты стали основным инструментом обеспечения высоких темпов экономического роста во Франции (равно как в Италии и Японии) в 1960–1980-х годах.

Здесь может последовать возражение, что кредиты стали и основной движущей силой последнего мирового финансово-экономического кризиса. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что в силу различного «качества» институтов финансового посредничества это были совершенно различные по экономической сути кредиты¹⁴. Поэтому эффективность кредитования нельзя отде-

лять от качества кредитных институтов, от институциональной системы в целом, задачей которых является рост экономики, базирующейся на кредите. Если банковские институты адекватны институциональной структуре страны, то кредиты в этом случае могут стать мощнейшим рычагом для стимулирования экономического роста. Напротив, если кредиты, а не иные экономические факторы, являются основным источником дохода экономических агентов, возникает «кредитный пузырь», или институциональная ловушка. Баланс институтов здесь – ключевой момент: соответствие как базовых, так и комплементарных матриц институциональных структур экономики страны. В этом случае возможности более гибких их сегментов (банков) не будут превышать возможности «отстающих» секторов (предприятий реального сектора).

Подчеркнем, что в институциональную ловушку легко попасть, но очень трудно из нее выйти (Гребенников, 2005. С. 21). Поэтому необходимо не противопоставление государства и рынка (или административных мер рыночным), а, напротив, стремление к установлению между ними гармонии. Иными словами, важно понимание места и роли государства в социально-ориентированной, но еще не в полной мере рыночной экономике. Системное решение проблемы государства и рынка видится в равноправии государственного и частного секторов, в соответствии с важностью выполнения экономическими агентами каждого из этих секторов своих функций. Такой подход позволит исключить доминирование одного сектора над другим, снизит вероятность разбалансировки всей экономической системы в рамках эволюционного коридора. При этом надо понимать, что частная собственность как институциональная форма в структуре банковской системы переходной экономики на достаточно длительном этапе развития может быть лишь комплементарной по отношению к более имманентной и органичной форме государственного банка. Дихотомии институциональных реформ транзитивной экономики, «государство или рынок», сегодня также предлагается преодолевать введением еще одного «активного игрока», которым является общество (Клейнер и др.,

¹⁴ Когда кредит используется в условиях долгосрочного тренда роста экономики при жестком регулировании кредитной сферы, он становится крайне важным инструментом развития. Однако, если кредит используется в условиях стагнации экономики как заместитель регулярного дохода, он может стать источником накопления дисбалансов и последующих кризисных явлений.

2004). Отметим, что данный подход в полной мере созвучен поведенческой составляющей самоорганизации денежной системы, формирующей тот самый «фон», который крайне важен для денежно-кредитной политики: понимание и поддержка обществом стратегии, реализуемой органами монетарного регулирования.

В этой связи эффективная стратегия денежно-кредитной политики должна предполагать постоянное присутствие монетарного регулятора на денежном рынке (особенно в кризисных ситуациях), планомерную подготовку условий для необходимых качественных институциональных изменений. С этих позиций важно целенаправленное управление самоорганизацией денежной системы, минимизирующее фактор неопределенности в ее функционировании, снижающее вероятность развития по неоптимальному пути. Поэтому критерии эффективности механизма реализации денежно-кредитной политики должны, на наш взгляд, характеризоваться не только количественными показателями (например, снижение инфляции, выполнение параметров по экономическому росту и пр.). Важным является обязательный учет качественных аспектов, таких как поддержание динамического равновесия собственно денежной системы, а также устойчивое взаимодействие с системами более высокого порядка. В отрыве от этого, ориентируясь лишь только на достижение количественных величин даже приоритетных макропоказателей, нельзя обеспечить долгосрочную динамическую сбалансированность национальной денежной системы, а также ее конкурентоспособность и устойчивость в рамках ЕЭП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

Верников А.В., Кирдина С.Г. 2010. Эволюция банков в X- и Y-экономиках. Материалы VIII международного симпозиума «*Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост*». г. Пушкино, Московская область, Россия, 17–19 сент. 2009 г. Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. Москва: Институт экономики РАН. С. 2.

Vernikov A.V., Kirdina S.G. 2010. *Evolutsiia bankov v X- i Y-ekonomikakh*. Materialy VIII mezhdunarodnogo simpoziuma «*Evolutsionnaia ekonomika i finansy: innovatsii, konkurentsiia, ekonomicheskii rost*». g. Pushchino, Moskovskaia oblast', Rossiia, 17–19 sent. 2009 g. Pod red. V.I. Maevskogo i S.G. Kirdinoi. [Evolutionary economy and finance: innovations, competition, economic growth]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. P. 2.

Требеников В.Г. 2005. Институционализм как методология экономической науки. Введение в экономическую историю с позиций институционального подхода. *Введение в институциональную экономику*. Под ред. Д.С. Львова. Москва: Экономика.

Grebennikov V.G. 2005. *Institutsionalizm kak metodologiya ekonomicheskoi nauki. Vvedenie v ekonomicheskuiu istoriiu s pozitsii institutsional'nogo podkhoda. Vvedenie v institutsional'nuu ekonomiku*. Pod red. D.S. L'vova. [Introduction in institutional economy]. Moscow: Ekonomika.

Кирдина С.Г. 2004. X- и Y-экономики: институциональный анализ. Москва: Наука.

Kirdina S.G. 2004. *X- i Y-ekonomiki: institutsional'nyi analiz*. [X- and Y-economy: institutional analysis]. Moscow: Nauka.

Кирдина С.Г. 2005. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма). *Постсоветский институционализм*. Под ред. проф. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. Донецк: Каптан. С. 75–101.

Kirdina S.G. 2005. *Teoriia institutsional'nykh matrits (primer rossiiskogo institutsionalizma). Postsovetiskii institutsionalizm*. Pod red. prof. R.M. Nureeva i V.V. Dement'eva. [Theory of institutional matrixes (example of the Russian institutionalism). Post-Soviet institutionalism]. Donetsk: Kashtan. P. 75–101.

Кирдина С.Г. 2007. Модели экономики в теории институциональных матриц. *Экономическая наука современной России*. № 2 (37).

Kirdina S.G. 2007. *Modeli ekonomiki v teorii institutsional'nykh matrits*. [Economy models in the theory of institutional matrixes]. *Ekonomicheskaiia nauka sovremennoi Rossii*. No 2 (37).

Кирдина С.Г. 2010. Институциональные изменения и принцип Кюри. *Экономическая наука современной России*. № 4. С. 28–62.

Kirdina S.G. 2010. *Institutsional'nye izmeneniia i printsip Kiuri*. [Institutional changes and Curie's principle]. *Ekonomicheskaiia nauka sovremennoi Rossii*. No 4. P. 28–62.

Кирдина С.Г. 2013. Институциональные модели финансирования реального сектора. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (18). С. 129–157.

Kirdina S.G. 2013. *Institutsional'nye modeli finansirovaniia real'nogo sektora*. [Institutional

models of financing of real sector]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. No 2 (18). P. 129–157.

Клейнер Г., Петросян Д., Беченов А. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике. *Вопросы экономики*. 2004. № 4.

Kleiner G., Petrosian D., Bechenov A. Eshchio raz o roli gosudarstva i gosudarstvennogo sektora v ekonomike. [Once again about a role of the state and public sector in economy]. *Voprosy ekonomiki*. 2004. No 4.

Кравченко Н.С. 1998. Принципы Кюри как регулирующий механизм эволюции в бифуркационных процессах (на примере геологических систем). *Философия науки*. № 1 (4).

Kravchenko N.S. 1998. Printsip Kiuri kak reguliruiushchii mekhanizm evoliutsii v bifurkatsionnykh protsessakh (na primere geologicheskikh sistem). [Curie's principle as the regulating mechanism of evolution in bifurcation processes (on the example of geological systems)]. *Filosofia nauki*. No 1 (4).

Николис П., Пригожин И. 1979. Самоорганизация в неравновесных системах. Москва: Мир.

Nikolis P., Prigozhin I. 1979. Samoorganizatsiia v neravnovesnykh sistemakh. [Self-organization in nonequilibrium systems]. Moscow: Mir.

Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала».

Nort D. 1997. *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki*. [Institutes, institutional changes and economy functioning]. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala».

Попов Е.В. 2012. Эволюция экономических институтов по Шумпетеру. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. № 14 (38).

Popov E.V. 2012. Evoliutsiia ekonomicheskikh institutov po Shumpeteru. [Evolution of economic institutes on Shumpetera]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. No 14 (38).

Сапир Ж. 2013. Кредит: рычаг или пузырь? <http://www.expert.ru/expert/2013/37/kredit-ryichag-ili-puzyir/>

Sapir Zh. 2013. Kredit: ryuchag ili puzyr'? [Credit: lever or bubble?]. <http://www.expert.ru/expert/2013/37/kredit-ryichag-ili-puzyir/>

Polanyi K. 1977. *The Livelihood of Man*. N.-Y. Academic Press, Inc.

INSTITUTIONAL SELF-ORGANIZATION OF MONETARY SYSTEM'S PARTICIPANTS AND FORMING BELARUS'S MONETARY POLICY

Oksana Rumyantseva¹

Authors affiliation: Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Oksana Rumyantseva (oksana_rum@tut.by).

ABSTRACT. Considered are the regularities of the monetary sphere functioning as a complex non-linear socio-economic system on the basis of the self-organizational (synergetic) paradigm. Analyzed is the institutional self-organization of Belarus's monetary system's participants. Shown is the necessity of taking into account these processes in the course of developing and implementing the national monetary policy.

KEYWORDS: institutional self-organization, monetary system, monetary policy, public efficiency of banks, Belarus.

JEL-code: B52, E42, E52, P43.

Материал поступил 15.11.2013 г.
После доработки – 22.04.2014.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.
□□□□□□□□.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ № 2•2014 73
□□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.